

Ольга
Беркана

Тень под кожей

Ольга Беркана

Тень под кожей

<https://litres.ru/74062486>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера Соболева — следователь с пятнадцатилетним стажем, циничный профессионал и женщина, которая не верит в магию. Но магия, похоже, верит в неё.

Погибнув от пули напарника, Вера приходит в себя в теле юной аристократки в мире, где правят газовые рожки, запретные ритуалы и маги-дознатели. Её новое имя — леди Агата Ирвинг. Её новое положение — затворница, которую пытались отравить собственные сёстры. Её новый союзник — лорд Рейнольд Блэквуд, маг-дознатель с невыносимой привычкой всегда оказываться правым.

Вере предстоит выяснить, почему её убили в прошлом мире, кто стоит за покушением в этом и как связаны ритуальные убийства молодых аристократок с детской считалочкой, которую нашёптывал маньяк на допросах. А главное — понять, что делать со Знаком на запястье. Меткой, которая делает её ключом к двери, которую нельзя открывать.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ольга Беркана

Тень под кожей

Пролог

Место, которого больше нет.

Дождь в этом городе не смывал грязь, а лишь размешивал её, превращая улицы в зеркало, отражающее гнилое нутро мегаполиса. Вера Соболева смотрела на своё отражение в луже у входа в заброшенный пакгауз — уставшая женщина тридцати пяти лет с лёгкой проседью, которую она не красила из принципа. Принципы — это всё, что у неё осталось. Ну, ещё табельный «Грач» в кобуре под мышкой и пачка сигарет, промокших насквозь.

«Идеальная ночь для смерти», — подумала она без всякого пафоса, просто констатируя факт. Объективно, условия неблагоприятные: видимость хреновая, подкрепление далеко, напарник нервничает.

Напарник. Игорь Князев, семь лет в связке. Она прикрывала его на облавах, он отпаивал её кофе после трёх суток без сна. В данную минуту он стоял на два шага позади, и Вера физически ощущала его напряжение, похожее на гул высоковольтного провода. Она списала это на предчувствие. У обоих было чутьё на засады. Но сегодня её знаменитая интуиция дала фатальный сбой. Она искала угрозу в тёмном проёме склада, а не за своей спиной.

— Он внутри? — спросил Игорь, и Вера отметила странную, нетипичную хрипотцу в его голосе. Показалось.

— Судя по следам волочения и запаху формалина, — она кивнула на едва заметный мазок на бетонном откосе, — наш «Кукольник» устроил себе очередную мастерскую. Пошли. И, Игорь... не геройствуй.

Она вошла первой. Потому что всегда входила первой. Запах ударил в нос — тошнотворно-сладкий, химический, с металлическим послевкусием. Формалин, старые опилки и кровь. Много крови. Посреди пустого цеха, залитого аварийным жёлтым светом, стоял стол, а на нём — то, что Вера про себя назвала «экспонатом 7». «Кукольник» был аккуратистом.

— Смотри, — она указала на хирургические инструмен-

ты, разложенные в анатомическом порядке. — Левша. Надрез всегда идёт справа налево. И он снова использовал шёлковые нити, а не кетгут. Эстет хренов...

Она говорила это, чтобы сбросить оцепенение, чтобы разозлить себя. Чтобы не видеть перед собой лицо жертвы — молодой девушки, почти ребёнка.

— Значит, левша, — раздался сзади голос Игоря. Уже не хриплый, а какой-то... мёртвый. — Ты всегда была лучшей, Вера. Лучшей ищейкой.

Она начала оборачиваться, но ствол упёрся ей в затылок, чуть ниже затылочного бугра. Холодный, мокрый от дождя. Её собственный дождь, который она принесла на плечах.

— Не дёргайся, — попросил Игорь почти жалобно. — Будет... чисто.

В голове у Веры, как и положено в последние секунды жизни, всё сложилось в единую, кристально ясную картину. Дело не в «Кукле». Дело в прошлогоднем ограблении ювелирного, где исчезли камни на двадцать миллионов. Дело, которое она тогда спустила на тормозах, потому что улики рассыпались. Игорь тогда нервничал. Сильно. А потом у него появилась новая машина. Она не спросила. Потому что до-

веряла.

— Из-за бабла, Князев? — её голос прозвучал ровно. Даже скучающе. — Серьёзно? Я думала, ты хотя бы из-за красивой бабы. Обидно.

Она не боялась. Она злилась. На себя. За то, что не проверила. За то, что увидела в этом крысёныше друга. За то, что не закончила дело. Только одно дело. Её первое дело в этом городе, четырнадцатилетней давности. Девочка с отрезанными косами. Тогда она дала себе слово, что не успокоится, пока не узнает, кто это сделал. Маленькая девочка в заколках-бабочках. Она так и не узнала её имя.

— Ты просто не умеешь вовремя остановиться, Соболева. Прости.

Курок мягко щёлкнул. Для Веры это был самый громкий звук в её жизни. Даже громче выстрела. А потом мир схлопнулся в одну ослепительно-белую точку боли в затылке.

И наступила Тьма.

Но какая-то... деятельная тьма. В ней не было покоя. В ней был запах. Слабый, приторный запах горького миндаля. Цианид. Кто-то пытается кого-то отравить. И этот кто-то —

она.

Глава 1

Леди предлагают не дышать.

Сознание вернулось не вспышкой, а рывком — так выныривают из ледяной воды, хватая ртом воздух. Первое, что зафиксировал мозг Веры Соболевой, — запах. Горький миндаль. Не метафора, не предсмертная галлюцинация, а конкретное химическое соединение, синильная кислота, блокирующая клеточное дыхание.

Второе: её губы плотно сжаты, а между ними и дёснами — вкус маслянистой, чуть сладковатой жидкости на корне языка. Она не успела её проглотить. Кто-то влил отраву в рот жертве, пока та была без сознания, и ждал, когда сработает глотательный рефлекс. Дилетанты.

Третье: тело не её. Абсолютно чужое, словно она натянула на себя тесный костюм из плоти, который жмёт в плечах и груди. Более слабое, более лёгкое. И в этом теле — волна ужаса, принадлежащая не ей. Чужой, липкий страх, оставленный предыдущей хозяйкой, как записка в пустом доме.

Тело среагировало раньше разума. Анализ угрозы: прямое отравление. Действие: не глотать.

Она резко, судорожно выдохнула через нос, позволив жидкости вытечь из уголка рта на подушку, и тут же перекадилась на бок, имитируя предсмертный спазм. Из горла вырвался сдавленный, булькающий хрип. Bravo, Соболева, ты бы и «Оскар» взяла, если бы не лёгкий тремор пальцев, которыми ты пыталась нащупать табельное оружие там, где его никогда не было.

В комнате кто-то был.

— Кажется, подействовало, — прошелестел женский голос, молодой и неожиданно спокойный. Голос человека, который смотрит, как давят таракана.

— Погоди, ещё дёргается. Мерзость какая, — вторил ему второй, более высокий и капризный. — Надо было просто подушкой. Папа бы ничего не узнал.

— И оставить следы? Ты глупа, Клементина. У госпожи Ирвинг слабое сердце. Все знают, что у неё слабое сердце. И внезапный припадок... это так трагично.

«Клементина» и «госпожа Ирвинг». Информация не скла-

дывалась. Вера знала всех Клементин в своём окружении — ни одной. И уж точно никто не называл её «госпожой Ирвинг».

Она затихла, выровняв дыхание до почти неразличимого. Глаза закрыты, поза безвольная. Жертва умерла, убийцы должны уйти.

Юбки зашуршали. Шаги — двое — удалились к двери. Скрип петель. Щелчок замка. Тишина.

Вера пролежала без движения ещё сто восемьдесят секунд. Ровно три минуты. Контрольное время, чтобы убедиться: убийца не вернулся за забытой уликой.

На сто восемьдесят первой секунде она открыла глаза.

Тяжёлый балдахин кровати из тёмно-синего бархата. Резные столбики, инкрустированные перламутром. Тусклый свет газового рожка на стене — с характерным шипением и лёгким запахом гари. Изысканная клетка. Дорогая и душная.

Вера села. Движение отозвалось слабостью в конечностях и странным, ноющим ощущением в левом предплечье. Она оттянула манжету. Кожа была бледная, почти прозрачная, с голубой сеткой вен. На внутренней стороне запястья просту-

пал рисунок. Не татуировка — шрам. Тонкий, серебристый, он складывался в сложный геометрический узор, похожий на стилизованный глаз в центре паутины. Он словно пророс изнутри. Живой и чужеродный.

— Мать твою, — прошептала Вера. Не от страха. От усталости.

Она спустила ноги с кровати. Пол оказался ледяным, мраморным, устланным вытертым ковром. На туалетном столике — серебряное зеркало. Вера подошла к нему, цепляясь за мебель, как пьяный матрос за поручни. Из зеркала на неё смотрело лицо незнакомки. Хрупкая, болезненно-бледная девушка, почти девочка, с копной тёмных, спутанных волос и огромными серыми глазами. Но взгляд... Взгляд был её собственный. Тяжёлый, колючий, оценивающий. Взгляд человека, который видел слишком много смертей, чтобы бояться собственного отражения.

— Агата Ирвинг, — произнесла она вслух, пробуя имя на вкус. — Что ж, Агата. Похоже, тебя убили. И, боюсь, это только начало.

Рядом с зеркалом, аккуратно прислонённая к шкатулке с драгоценностями, лежала небольшая книжица в потёртом кожаном переплёте. Замок сорван. Дневник. Настоящая

Агата явно хотела, чтобы его нашли. Или наоборот, прятала до последнего. Вера взяла книжицу, взвесила в руке. Пыль. Пыль и отчаяние.

В этот момент стук сердца в ушах сменился другим звуком — размеренным и уверенным. Троекратный удар трости в дверь. Не просьба. Приказ.

— Леди Агата, — раздался низкий, хорошо поставленный мужской голос. Бархат, подёрнутый инеем. — Я знаю, что вы не спите. Ваше сердце бьётся слишком громко. Откройте.

Вера замерла, сжимая дневник. В её прошлой жизни этот голос заставил бы её потянуться за пистолетом. В этой — за неимением оружия заставил холодно улыбнуться. «Жених» пришёл проверить, почему «любимая невеста» не умерла по расписанию. Что ж, давай знакомиться, дорогой. У меня как раз образовалось окно в графике для допроса с пристрастием.

Глава 2

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.